

ЧЕРНОЛАД

ТУТ НЕЧЕСТЬ ВОДИТ ХОРОВОД

КНИГА I

ЧЕРНОЛАД

ТУТ НЕЧЕСТЬ
ВОДИТ ХОРОВОД.

КНИГА I

ит то,
крыто
анить
иском
анные
ясно:
у, ему
ани —
конца

04-123456-7

234567 >

Рината Мухарьямова

**Чернолад. Книга 1: Тут
нечисть водит хороводы**

«Автор»

2026

Мухарьямова Р. Р.

Чернолад. Книга 1: Тут нечисть водит хороводы /
Р. Р. Мухарьямова — «Автор», 2026

Городское фэнтези с мистическим триллером. Алексей Гордеев, Ворон, – одинокий страж, сражающийся с потусторонними силами. Создан Анклав «Воронье Гнездо» – хранители равновесия между мирами. Главное испытание – не битвы, а гнетущее затишье, обнажающее внутренние страхи и заставляющее переосмыслить жизнь. Символизм: узор за зеркалом – печать единства. Философия: не предопределенность, а взаимосвязь событий. Сила героев – в свободе выбора. Это сплав городского фэнтези, психологической драмы и семейной саги о взрослении, самопринятии и ценности человеческих связей.

© Мухарьямова Р. Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть 1. Посредник	7
Глава 3. Никчемный гость	13
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рината Мухарьямова

Чернолад. Книга 1: Тут нечисть водит хороводы

Глава

Чернолад. Книга 1: Тут нечисть водит хороводы

2026

ПРОЛОГ

*— Не переступай рубеж, где дремлет прошлое,
Где мрак нашептывает песни ветров.
Тут возле пылающего круга нечистая сила водит хороводы.*

Всегда есть Грань. Зыбкая черта меж сном и явью. Между безмолвием и словом. Между жизнью, пульсирующей неоновыми венами мегаполисов, и смертью, шепчущей эпитафии на заброшенных погостах.

Люди отучились её видеть. Нарекли интуицией, обманчивым дежавю, причудливой игрой света. Запрятали страх под маской психологии, чтобы объяснить эхо в пустых комнатах, и вооружились сталью, чтобы заглушить скрежет когтей в ночной тишине. Их мир — твердыня, высеченная из предсказуемости и ослепительного света. И они истово верят в его незыблемость, ведь альтернатива — леденящий ужас.

Но Грань — она всегда рядом. Она — трещина в безупречном фундаменте реальности, невидимый шов, скрепляющий два полотна бытия. И по этому острию, что разделяет «между» и «между», вечно ступает он.

Он — воплощение беспросветной ночи, безмолвнее самой глубокой пропасти. Он — Ворон. Вестник. Посредник меж мирами. Для людей — лишь тень на периферии зрения, зловещее карканье, предвещающее бурю. Для Иных — страж, неподкупный судья и последняя надежда.

Он помнит времена, когда к нему шли с дарами и мольбами, а не с воплями ужаса. Когда князья и ведуньи искали его мудрого совета. Ныне его владения сузились до размеров разросшегося города, пропитанного стальными грёзами и электрическими кошмарами. Но суть его долга не претерпела изменений.

Он бродит. Внимает. Вершит суд.

И бережно хранит равновесие. Ибо люди правы в одном: их хрупкий мир действительно может обратиться в прах. Если Грань даст трещину. Если Навь, древний, дикий и беспощадный мир, вырвется на свободу в слепой ярости.

Иногда это случается. Тихий плач доносится из детской. Кровавый след алеет на лестничной клетке. Человек исчезает, не оставив и следа. Тогда приходит он. Чтобы залатать брешь. Чтобы восстановить пошатнувшийся порядок. Чтобы напомнить обоим сторонам Грани о страшной цене её нарушения.

Эта книга — летопись не просто события, а дерзновенного прорыва. История, рожденная тихим шепотом в стенах роскошного пентхауса, достигнет той ослепительной высоты, для которой людской язык еще не создал подходящих слов.

Прислушайтесь... Ветер уже доносит далекие отголоски триумфа. Где-то, в предвкушении грядущего, начинают хороводы.

Часть 1. Посредник

Глава 1. Между

Алексей Гордеев стоял на крыше многоэтажки, прислонившись к обжигающе-холодному парапету, и смотрел на исполинский город, израненный неоновыми шрамами. Внизу клокотала, взрывалась фейерверками огней и бесчинствовала человеческая жизнь — двадцать первый век во всей своей оглушительной, ослепительной красе. Но Алексей слышал не это.

Поверх воя сирен и утробного рокота машин стелился иной звук — тонкий, как паутина, зыбкий, как мираж. Его шепотом называли Гулом Межи. Вибрацией пограничья, пульсом мира, что дышал рядом, затаившись в тенях. Того, что прятался в грязных пастях переулков, за обшарпанными дверями подъездов и в кривых зеркалах грязных луж. Мира, о котором люди лишь робко догадывались, списывая странности на усталость, дурное настроение или злую шутку воображения. Но который то и дело касался их ледяным прикосновением, напоминая о себе пропажей кошек в темных закоулках старых кварталов, детскими страшилками про «бабайку в вентиляции» и сосущим душу предчувствием чужого взгляда в пустой комнате.

Алексей был этим взглядом. Или одним из них.

По паспорту, пылившемуся где-то в ящике стола, ему было тридцать, и значился он инженером-экологом. В зеркале он видел мужчину с усталыми серыми глазами и волевыми, чуть резкими чертами лица, тронутыми печатью бессонницы. Но это была лишь маска, оболочка, тончайшая кожа, натянутая на древнюю, непостижимую суть. Он был Ворон. Вещун. Посредник меж мирами.

Его истинный облик был чернее городской смоги, гуще космической тьмы между звездами. Птица, когтями вцепившаяся в грань. Между жизнью и смертью, между людьми и теми, кого они когда-то называли богами и духами, между шумным миром технологий и немым ужасом старых сказок.

Он вздохнул, достал из кармана смятую пачку сигарет, но передумал. Щелкнув зажигалкой, тут же погасил огонь. Воздух и без того был густой, пропитанный выхлопами и электрическим треском, и чем-то еще — неуловимым, тревожным. Сегодня Межа вибрировала с нарастающей силой, словно струна, натянутая до предела. Городская Навь, та ее часть, что пустила корни в бетоне и асфальте, была на взводе, словно зверь, загнанный в угол.

Первой его «навестила» старушка из соседнего подъезда, баба Катя. Она принесла ему в потной ладони завернутый в газету сверток с пирожками.

— Алешенька, голубок, — прошептала она, озираясь по сторонам, словно боялась подслушивающих стен, — ты тут у меня человек тихий, умный... Скажи, Ваня-то мой, внучек... С ним все хорошо? В армии служит, пишет редко, сердце ноет, места себе не нахожу...

Алексей посмотрел на нее, и за пеленой обыденности, за серым маревом повседневности ему явилась тонкая, едва заметная, тронутая ржавчиной нить ее тревоги. Он мысленно потянулся за ней, словно за нитью Ариадны, ощутил далекую, но прочную связь с парнем в камуфляже. Все было в порядке. Скучно, тоскливо, местами страшно, но жив. Цел.

— Все у Вани хорошо, баба Катя, — сказал он тихо, и его голос, всегда чуть хриплый, прорезался сквозь шум города и обладал странной, завораживающей убедительностью. — Скоро письмо будет. Не тревожьтесь.

Испуганное лицо старушки расцвело, словно подснежник под весенним солнцем. Она сунула ему в руки теплый сверток с пирожками и, успокоенная, заспешила прочь, прихрамывая на больную ногу. Она и не подозревала, что только что просила совета у существа из кош-

марного сна, у порождения древних, забытых мифов. Для нее он был просто симпатичным, немного странным соседом, живущим этажом выше.

А через час его компьютер, этот мерцающий портал в мир людей, выплюнул ему другую весть. Непрошенным сообщением в одном из местных пабликов, посвященных городским легендам, всплыла история, написанная дрожащей рукой. Девушка писала, что в их новом доме на самой окраине, построенном, как назло, на месте старого кладбища, пропадают вещи, а по ночам из детской доносится тихий, леденящий душу смех. Комментаторы смеялись, советовали «меньше пить или вызывать экзорцистов». Но Алексей увидел за бессвязными словами отчаяния другое — холодный, знакомый почерк. Домовой? Нет, слишком злобно. Что-то иное. Банник, прицепившийся к испуганной семье? Или кикимора, нашедшая приют в сырых, плесневелых стенах новостройки, источающих холод и тоску?

Он остро почувствовал знакомый зов. Долг. Неизбежность. Неприятный, как скрежет ржавого гвоздя по стеклу.

Алексей, тяжело вздохнув, отошел от парапета. Сумерки сгущались, превращаясь в густую, непроглядную ночь — его законные владения. Он сбросил с плеч выдавшую виды куртку. Ему было тридцать лет, он любил крепкий кофе, хорошие сериалы и терпкий запах старых книг. Но сейчас все человеческое должно было уйти. Отступить. Раствориться в ночи.

Он закрыл глаза, отпуская остатки контроля. Кости хрустнули, суставы вывернулись под немыслимыми, неестественными углами. Кожа потемнела, наливаясь чернотой, превратившись в мириады перьев, жадно впитывающих остатки ускользающего света. Мир для людей сузился, превратившись в острое, мозаичное зрение, а его уши уловили целую какофонию шепотов, скрипов и вздохов невидимого мира, окружавшего город.

Через мгновение на крыше никого не было. Лишь тяжелая тень, чернее самой ночи, бесшумно сорвалась вниз и поплыла над спящими улицами, направляясь на далекую окраину, туда, где современный город соприкасался со старой, не ушедшей, а лишь притаившейся по углам сказкой.

Хоровод начинался. И Ворону, как и тысячу лет назад, предстояло в нем танцевать.

Тень кралась по сонным кварталам, не отражаясь в глянце мокрого асфальта. Для обывателя это был бы лишь ледяной сквозняк, ускользающее движение на границе зрения, заставляющее невольно втянуть голову в плечи и прибавить шаг. Алексей-Ворон же видел оба мира одновременно, словно наложенные друг на друга кальки.

Неоновые письма магазинов и блеклый свет фонарей пробивались сквозь призрачный саван иного мира: болотные огни плясали над канализационными люками, тусклые следы домовых тлели на подоконниках, злобные алые искры металась в темных пастях подворотен — то резвились озорные и злобные духи, осмелевшие под покровом ночи.

Его путь лежал к новому району-«муравейнику», многоэтажной бетонной глыбе, водруженной на костях старого, стертых из памяти погоста. В своей неумолимой погоне за комфортом люди редко вспоминают историю мест. Они бессердечно вторгаются в землю, заливают ее бетоном, вбивают сваи глубоко в кости, не подозревая, что тревожат древний сон. И Навь отвечает им безумным, ядовитым цветением.

Он опустился на край стройплощадки соседнего недостроя — идеальный наблюдательный пункт. Дом-жертва высился поодаль, его пластиковые глазницы слепо отражали луну. Однако зрение Ворона видело его окутанным зыбкой, сизо-лиловой моросью, словно ядовитым туманом. Оттуда веяло могильным холодом и исходил тихий, навязчивый шепот, словно рой мурашек полз по коже.

«Не домовый, — моментально решил Алексей. — Домовой либо бушует открыто — гремит, прячет вещи, либо тоскует в тишине. Это нечто... иное».

Он сосредоточился, позволяя древнему сознанию Ворона, хранящему эхо тысячелетий, просеять шепот сквозь сито памяти. Осколки фраз, приглушенный детский плач, скрип поло-

виц... и сквозь все это – мелодия. Старинная, как сами холмы, усыпляющая и порочная. Колыбельная, которую пели детям, чтобы навеки уложить их в землю. Колыбельная Кикиморы.

Да, вот он, ее зловещий почерк. Не простая кикимора болотная, а именно домашняя, «запечная», что поселяется в сырых, новых, необжитых домах. Та, что люто ненавидит детей, терзаемая завистью к живому теплу семьи. Та, что способна зашекотать до смерти или напустить кошмары, крадущие жизненные силы.

Ворон издал приглушенное, гортанное карканье, звук сухого дерева, царапающего стекло. План созрел мгновенно. Как Посредник, он не мог просто уничтожить сущность – это разрушило бы хрупкий баланс. Ее нужно было изгнать, уговорить, заставить уйти. А для этого необходимо понять, что держит ее здесь. Что питает ее силу в этом злополучном месте?

Он взмыл в воздух и, бесшумный, словно дым, просочился через приоткрытую форточку на одном из верхних этажей. В квартире витал запах свежей краски, нового ламината и... страха. Густого, приторно-сладкого и горького одновременно. Настоящий пир для нечисти.

Приняв человеческий облик, Алексей стоял босиком в темной гостиной, прислушиваясь к дому. Скрипнула половица за стеной. Слабый, едва уловимый смешок пронесся по вентиляции. Он двинулся на звук, ступая совершенно бесшумно.

Дверь в детскую была приоткрыта. В комнате, погруженной в сиреневый свет ночника, спала маленькая девочка – та самая, о чьем звонком смехе с гордостью писала в соцсетях ее мать. Но сейчас ее лицо искажала гримаса ужаса, веки судорожно подрагивали, тело вздрагивало в тихом танце кошмара. А у самой кровати, в густой полосе теней, колыхалось нечто неестественное.

Высокое, иссушенное, с непомерно длинными, бескровными руками, оно склонялось над ребенком, словно вдыхая его страх. Его очертания расплывались в полумраке, но длинный, крючковатый нос почти касался щеки девочки, а пальцы, похожие на переплетенные корявые ветви с когтями, рисовали в воздухе узоры паутины кошмара.

Алексей откашлялся. Тихо.

Существо резко обернулось. В глубоких глазницах вспыхнули два тлеющих уголька. – Ушла... – прошипела Кикимора голосом, напоминавшим скрип ржавой дверной петли. – Моя... берлога... мой угол... Не тро-огай...

– Этот угол не принадлежит тебе, Сестра Теней, – тихо, но твердо произнес Алексей. Его голос вновь обрел ту самую, вневременную твердость. – Ты нарушаешь договор. Пугаешь невинное дитя. Ты знаешь, что за этим последует.

– Они... на костях... по-строили-и... – выдохнула Кикимора, и в ее голосе прозвучала не только злоба, но и древняя, уходящая вглубь веков обида. – Память... топчут... Мне негде... больше...

И тут Алексей понял. Удерживало ее не только место. Ее держала боль самого оскверненного и забытого погоста. Она стала гневом этой боли, ее ядовитым воплощением.

– Ты права, – согласился он, и это, казалось, обескуражило сущность. – Они забыли. И за это платят страхом. Но этот ребенок не виновен. Его страх не утолит твою жажду справедливости. Он лишь сделает тебя сильнее и злее, пока ты не превратишься в то, что придется выжечь дотла.

Он шагнул вперед, и его человеческая оболочка на мгновение померкла. В воздухе повеяло запахом грозы, ледяным дыханием космоса и древней, непостижимой силой. Ворон проступал сквозь тонкую завесу человеческой плоти.

– Я укажу тебе путь, – сказал он. – Не в болота, где тебе нет места, а в старый парк, у заброшенной реки. Там стоит дом с пустым, сырым подвалом. Старый дом. Он помнит. Там будет твой угол. И там есть мыши, которых можно пугать, и тишина, которую можно охранять. Но ты оставишь эту семью в покое. Прямо сейчас.

Кикимора замерла, ее тлеющие глаза внимательно изучали его. Она колебалась. Сила Ворона была очевидна, но он предлагал не уничтожение, а выход. Пусть и на ее условиях, условиях древних духов.

– Кля-нешься? – проскрипела она. – Я – Посредник. Мое слово – моя суть.

Нависла тишина. Затем сущность медленно отступила в тень, становясь все более призрачной. – У-йду... – прозвучало последнее эхо ее шепота и растворилось в ночном воздухе.

Воздух в детской, словно застоявшийся пруд, вдруг встрепенулся и очистился. Давление, гнетущее и невидимое, отступило. Девочка на кровати вдохнула глубоко, как путник, добравшийся до оазиса. Лицо её, прежде искаженное мукой, разгладилось, погружаясь в здоровый, безмятежный сон, словно в тихую гавань.

Алексей замер на пороге, выжидая, пока последний призрак чужого присутствия не растворится в воздухе. Убедившись в безопасности, он шагнул к окну и распахнул его настежь. Ночной ветер, свежий и резкий, ворвался в комнату, словно стремился вымести прочь последние следы скверны.

Он снова обернулся Вороном и, расправив угольно-чёрные крылья, выпорхнул в ночь. Одна тьма рассеяна. Но Гул Межи не утихал, он лишь на мгновение приглушил свой злобный хор. Где-то в городе, словно незаживающая рана, пульсировала другая боль, бродило другое забытое божество, плакал другой обиженный дух.

Глава 2.

Гул Межи: тень под городом

Возвращаясь в свою обитель, Алексей ощущал, как городская Навь клокочет вокруг, словно адский котёл, бурлящий ядовитыми парами. Изгнав Кикимору, он лишь приглушил симптом, не коснувшись самой болезни. Незаживающая рана осквернённого погоста продолжала кровоточить, ища новые прорехи в ткани реальности, новые пути вырваться наружу — словно гнойник, готовый прорваться в любой момент и отравить всё живое.

Его небольшая квартира в старом доме, пропахшая пылью книг, выделанной кожей и дымкой свежесваренного кофе, казалась тихим ковчегом в бушующем море шёпотов. Ничего лишнего, лишь предметы первой необходимости, и повсюду — обереги. Не вычурные амулеты из эзотерических лавок, сверкающие мишурой и позолотой, а простые, проверенные временем вещи: пучок сушёной полыни, прибитый над дверью; ржавый гвоздь, вбитый в дверной косяк с особой молитвой; гроздь рябины, алеющая на подоконнике, словно капля живой крови в серости осеннего дня. Они не столько защищали, сколько искусно маскировали его жилище, отводя от него ненужное внимание со стороны назойливой мелюзги — мелких духов, вечно снующих по улицам в поисках лёгкой добычи.

Приняв обжигающий душ, Алексей попытался смыть с кожи липкую паутину чужого, пропитанного ужасом сознания. Кипяток, нестерпимый почти, был одной из немногих слабостей, в которых он позволял себе тонуть без остатка. Струи воды били по спине, словно тысячи крошечных молоточков, пытаясь выбить из тела остатки чужеродной энергии. Но даже сквозь рев воды до слуха долетали призрачные отголоски:

Скрежет... по бетонному нутру...

Вопль... в извивающихся трубах...

Шёпот... крадущийся за стеной...

Вытеревшись насухо, он облачился в старые тренировочные штаны и, словно выполняя древний ритуал, заварил крепкий, обжигающий кофе. Аромат молотых зёрен наполнил комнату, создавая островок уюта в океане тревог. С чашкой в руке он уселся за компьютер. Монитор вспыхнул, вырывая из мрака его осунувшееся лицо, с тенями под глазами — следами бессонных ночей и вечной борьбы на грани миров.

Привычный рабочий стол: папки с отчётами по экологическим экспертизам, окно браузера... и одно особое, не зарегистрированное ни в одной базе данных приложение — «Гул». Его личное детище, мост, соединяющий древнюю хтонь и цифровую реальность. Программа прочёсывала городские форумы, паблики в социальных сетях, заглядывала в самые укромные уголки частных чатов, отсеивая шелуху повседневного бреда и вылавливая те самые драгоценные крупинки, те зыбкие моменты, где полог реальности давал предательскую трещину.

Сегодня «Гул» пульсировал тревожным багрянцем — словно рана, готовая вот-вот лопнуть. Десятки новых сообщений за последние, истекающие тревогой часы:

«В метро на „Красных воротах“ состав встал в тоннеле, и все слышали жуткий хохот, аж кости леденели...»

«У меня в подвале кошки исчезают, а одна вернулась — вся седая, и глаза безумные...»

«На новой станции „Заречная“ по ночам по стенам тени пляшут, двоих охранников уже в психушку увезли...»

Все это были лишь отдельные лепестки одного чудовищного цветка, распускающегося под покровом ночи. Эпицентр, судя по всему, находился там, где сейчас всю кипела работа по прокладке новой ветки метро. Там, где стальные бурильные машины, словно гигантские черви, вгрызались в земную плоть, тревожа не только древние грунтовые воды, но и нечто иное, спящее гораздо глубже. Нечто, что лучше бы оставалось в забвении — древнее, могущественное, равнодушное к судьбам людей.

Алексей откинулся на спинку стула, утомлённо закрыв глаза. Он чувствовал город, представлял его как огромный, живой организм. Людские кварталы — шумные, кричащие, поверхностные, словно кожа, покрытая мурашками. А под ними — древние, дремлющие пласты: подземные реки, забытые кладбища, руины старых селений, поглощённых ненасытным мегаполисом. И туннели подземки, эти стальные иглы, пронзающие все слои, являлись идеальными проводниками для всего, что там обитало — словно вены, по которым текла не кровь, а сама тьма.

Телефон на столе вздрогнул в безмолвной вибрации, заставив его вздрогнуть. Незвестный номер. Но Алексей знал, кто звонит. Он, не раздумывая, поднёс трубку к уху.

— Говори, — бросил он сухо, без приветствий.

— Вещун, — проскрипел в ответ низкий, утробный голос, словно доносящийся из-под самой земли. Это был Гнют, один из старейших домовых, что испокон веков присматривал за несколькими старыми районами. Сущность древняя и могущественная, предпочитающая сохранять нейтралитет. — Копали слишком глубоко. Разбудили Серого Хозяина. Он голоден. Идёт по жилам города.

Серый Хозяин. Древнее имя, выветренное временем, словно надпись на надгробной плите. Дух каменных недр, рождённый в утробе давления и первобытной тьмы. Не злой и не добрый — сама стихия, без жалости и гнева. Разбуженный, он искал лишь одно — пропитание: тепло, жизнь, трепет эмоций. И метро с его переплетением тоннелей стало для него идеальной охотничьей тропой — словно лабиринт, где добыча сама бежит в пасть хищнику.

— Где он сейчас? — спросил Алексей, ощущая, как в желудке застывает ледяной ком, растекаясь по венам ледяными ручейками.

— Недалеко от Кольца. Через три ночи он будет в центре. Людской крик для него — барабанная дробь, паника — пиршество.

Алексей мысленно чертил маршруты, перебирал станции. Если Хозяин достигнет центра в час пик... Последствия были настолько чудовищны, что разум отказывался их вмещать: паника, давка, сотни, тысячи жертв — город захлебнётся в криках ужаса.

— Что ему предложить? — выдохнул он в трубку Гнюту. Умилостивить подобное — немыслимо, но можно попытаться отвлечь, перенаправить, обмануть древнейшую силу хитростью.

— Он ценит тишину, покой. Предложи ему старую шахту. За городской чертой. Заброшенную. Бездонную. Там его ждёт забвение. Но чтобы он пошёл туда, нужен проводник. Сильный. Не сломленный страхом.

Проводник... Кто осмелится провести древний дух через сердце города, не посеяв ужас? Лишь тот, кто сам принадлежит обоим мирам. Лишь Посредник.

— Понял, — Алексей бросил взгляд на окно, за которым небо начинало сереть, окрашивая крыши в цвета пепла и свинца. У него осталось три дня. — Решено?

— Решено, — проскрежетал Гнют, и связь оборвалась, оставив в ушах лишь эхо подземного мира — шёпот камней и далёкий гул земли.

Алексей опустил телефон. Кофе давно остыл, оставив на дне чашки тёмный осадок, словно символ грядущих событий. Он подошёл к окну. Город просыпался, окутываясь сетью огней, не подозревая, какая древняя опасность ворочается в его подземных артериях — словно спящий вулкан, готовый пробудиться в любой момент.

Он вновь оказался на Меже. Между покоем миллионов и ненасытным голодом пробудившейся стихии. Между жизнью города и его неминуемой гибелью.

Необходим план. Ресурсы. И, вероятнее всего, помощь тех, кого он поклялся больше никогда не видеть — старых союзников, старых врагов, тех, кто знал цену балансу и цену крови.

Рассвет омывал небо нежно-грязным светом, словно пытаясь смыть грядущую тьму. Ночь отступила, но тень, нависшая над городом, лишь сгустилась. Колесо сансары набирало обороты, и Ворону вновь предстояло войти в этот порочный круг — не как спасителю, а как балансиру, удерживающему мир от падения в бездну.

Глава 3. Никчемный гость

Следующие три дня схлопнулись в один бесконечный, истощающий кошмар. Алексей оформил отгулы, сославшись на жестокое пищевое отравление. Начальник, вечно тонущий в цифрах и совещаниях, промышчал нечто невнятное и бросил трубку. Будничная суета – отчеты, планерки, коллеги – казалась декорацией, призрачной и невесомой.

Он метался на трех фронтах одновременно, словно полководец, готовящийся к битве с незримой армией.

Первый фронт – цифровой. «Гул» захлебывался, перемалывая терабайты данных. Алексей отлавливал любые аномалии, связанные с подземкой: сбои, необъяснимые поломки вентиляции, шепот о странных запахах – сырости, влажного камня, озона – вспышки нелогичных перепадов температуры. Он вычерчивал адскую карту, где пульсировали очаги активности Серого Хозяина. Карта складывалась в зловещую магистраль, от окраин к самому сердцу города, словно ядовитая кровь, бегущая по оголенным нервам.

Второй фронт – плотский. На своей выдавшей виды машине он исколесил полгорода, прочесывая заброшенные промзоны и стройки, под которыми зияли тоннели. Он искал забытые вентиляционные шахты, потайные ходы, любые лазейки в преисподнюю. Ему нужна была точка – место, где можно столкнуться с Хозяином лицом к лицу, не обрушив на город волну всеобщего безумия. Идеальным оказался заброшенный дренажный коллектор у реки, впадающий в тоннель метро между двумя станциями. Безжизненный, сырой, забытый богом и людьми.

Третий фронт – эфирный. Самый скользкий и опасный. Он искал точки соприкосновения с обитателями городской Нави, пытаясь проложить некое подобие коридора, по которому можно было бы провести Хозяина. Переговоры шли до хруста в костях. Домовые, ревниво охраняющие свои владения, ворчали, но соглашались усмирить свое присутствие на пути следования. Банники, духи бань и подвалов, в обмен на год покоя, обещали накинуть на мир «пелену» – туман безразличия для случайных прохожих. Каждая сущность тянула одеяло на себя, выторговывая уступки. Он чувствовал себя жалким дипломатом на торгах с хаосом. От этих сделок раскалывалась голова, а в кошмарах он тонул в шепчущей, требующей толпе.

Разверзлась ночь перед решающим днем. Алексей не сомкнул глаз. Он смотрел на свое отражение в зеркале ванной. Под глазами – густая, фиолетовая тень, кожа – болезненно-прозрачная. Он был мостом между мирами, а этой ночью ему предстояло стать приманкой и пастухом для силы, способной раздавить его в пыль, даже не заметив.

Он достал из шкафа старый армейский рюкзак. Собрал свой «набор выживания»: мощный тактический фонарь, пачку крупной соли (простой, но действенный барьер ото многого), компас с намагниченной стрелкой, способной реагировать не на север, а на выбросы темной энергии, и плоскую флягу с обжигающим, почти абсолютным спиртом. Не для утешения – для ритуалов и неотложных мер. Последним он положил небольшой, отполированный до зеркального блеска кусок обсидиана. Камень-проводник, инструмент концентрации воли.

Ровно в полночь он стоял у входа в дренажный коллектор. Искореженная решетка, из темноты – смрад плесени, ржавчины и... чего-то еще. Приторно-сладкого, тяжелого, как запах древней пыли из вскрытого склепа. Это был запах Серого Хозяина.

Алексей глубоко вдохнул, с силой выдохнул, прогоняя ледяной коготь страха, вцепившийся в горло. Затолкнул, запер его в самой глубине души и, собрав волю в кулак, шагнул в непроглядную тьму.

Влажный холод обвил его, словно погребальный саван. Капли, срывавшиеся со сводов, гулко отзывались в звенящей пустоте. Луч фонаря дрожал впереди, тщетно пытаясь рассеять мрак, который с каждой секундой становился все более густым и осязаемым. Прежде еле слыш-

ный шепот здесь превратился в низкий, утробный гул, в зловещую вибрацию, исходившую, казалось, от самих каменных стен. Камень здесь был не просто мертвой породой. Он жил. И дышал нескрываемой враждебностью.

Пройдя в глубь на сотни метров, Алексей заметил, как фонарь предательски замигал и навсегда погас. Воздух сгустился до состояния вязкого киселя, сдавливая грудь, затрудняя дыхание. Компас на запястье бешено завертелся, стрелка металась, словно в агонии, не в силах обрести покой. Алексей замер, зажмурился, погружаясь в себя, позволяя внутреннему зрению – зрению Ворона – настроиться на пульсирующий мрак.

И тогда он увидел Его.

Это не было существо в привычном понимании. Это была сама тьма, осязаемая, живая. Очертания напоминали одновременно и массивного медведя, и бесформенного великана, сотканного из гранита, теней и давления веков. Оно не шло – плыло, словно кошмарный сон, каменные плиты пола не скрипели под его немыслимой тяжестью, а лишь едва заметно прогибались, как под исполинской горой. Вместо глаз – две бездонные впадины, зияющие ледяным, нежилым светом, подобным гниющим угольям в трухлявой древесине. Серый Хозяин.

Алексей почувствовал, как его разум съеживается, пытается сжаться в жалкий комочек перед лицом первобытного, всепоглощающего ужаса. Это был страх всего живого перед каменной бездной, перед могильным холодом, перед вечным, безмолвным ничто. Собрав остатки воли, он вцепился пальцами в загрубевшую ткань куртки, заставил себя распрямиться, встретиться взглядом с этими мерцающими провалами.

— Хозяин, — прозвучал его голос, утонув в гнетущей тишине, не оставив даже призрачного эха. — Я — Посредник. Твое логово осквернено. Я приведу тебя к новому. К тишине. К покою. Глубокому.

Мерцание в глазницах сущности усилилось, и на Алексея обрушилась невообразимая волна ощущений – не слов, а чистых, нефильтрованных эмоций. СКВЕРНА. ШУМ. ВИБРАЦИЯ. ГОЛОД.

— Я знаю, — ответил Алексей, транслируя ответ также, образами. Он представил старую, заброшенную шахту за городом. Бесконечно глубокую, темную, нетронутую. Место, где царили абсолютное безмолвие и вечный покой. — Я приведу тебя. Но ты должен идти за мной. И не касаться мира живых.

В ответ пришла другая волна, медленная, тяжелая, как оползень. СОГЛАСИЕ. ВЕДИ.

Повернуться спиной к этой силе было равносильно прыжку в бездну с завязанными глазами – актом невероятной, почти самоубийственной дерзости. Но Алексей совершил этот безумный шаг. Он отступил в тоннель, чувствуя, как за его спиной колыхнется, дышит могильным холодом сама гора.

Их путь превратился в сюрреалистичное шествие теней. Алексей, словно лоцман в царстве мертвых, прокладывал дорогу, его фонарь выхватывал из крошечной тьмы изгибы тоннеля. За ним, вплотную, надвигалась живая стена тьмы. Воздух густел и застывал, влага на стенах превращалась в ледяную крошку. Они проходили мимо служебных помещений, мимо запертых дверей, хранящих свои секреты. Однажды дверь приоткрылась, и в щели возникло испуганное лицо работника метро. Но прежде чем звук ужаса сорвался с его губ, на него обрушилась волна всепоглощающей апатии, сотканная дыханием Хозяина. Работник зевнул, словно от тяжелой усталости, потер затылок, недоуменно пожал плечами и закрыл дверь, решив, что это всего лишь игра света и тени в его утомленном сознании.

Ночь казалась бесконечной. Алексей чувствовал, как жизненные силы утекают сквозь пальцы, словно кровь из незаживающей раны. Быть поводырем для подобной сущности – все равно что взвалить на плечи целый горный хребет. Каждый шаг отдавался нечеловеческим усилием. Хозяин был послушен, но его присутствие вытягивало жизнь из всего, к чему прика-

салось. Растения, пробившиеся сквозь трещины в бетоне, увядали и чернели на глазах, краска на стенах тускнела, словно оплакивая безвозвратно ушедшие дни.

Когда первые лучи солнца пронзили тьму и позолотили горизонт, они добрались до старой, полуразрушенной шахты на самой окраине города. Заброшенный террикон, словно древний курган, зарос колючим бурьяном, а вход в клеть зиял, как беззубая пасть, приглашая в свои темные глубины.

Алексей остановился, его ноги дрожали от невыносимого изнеможения. Он обернулся. — Здесь. Твоя новая обитель. Тишина. Покой.

Серый Хозяин замер перед входом. Зловещее мерцание в его глазницах угасло, сменившись ровным, спокойным свечением, напоминающим отблеск луны на отполированной поверхности гранита. Он медленно, почти с благодарностью, склонил свою каменную голову. Затем развернулся и бесшумно поплыл в черную утробу шахты, растворяясь в ней, как вода в раскаленном песке. Его присутствие отступало, и гнетущая тяжесть, сковывавшая окрестности, рассеялась, словно кошмар перед рассветом.

Алексей прислонился к ржавой стене, ощущая, как она осыпается под его пальцами, и медленно сполз на землю. Он был истощен до предела, до полного опустошения. Руки била мелкая дрожь. Он сидел, не в силах пошевелиться, и смотрел, как рождается новый день. Он сделал это. Город был спасен. На этот раз.

Он знал, что это лишь одна выигранная битва в бесконечной войне. Гул Межи затих, но не умолк навсегда. Где-то в недрах мироздания уже зрела новая угроза, новый сбой в хрупком равновесии.

Хоровод никогда не прерывается. Он лишь меняет свой ритм. И Ворону едва хватило сил, чтобы подняться и побрести к своей машине, зная, что этот танец продолжится. Очень скоро.

Часть 2.

Зеркало Мнемозины

Глава 1.

Цена Тишины

Солнце сквозь мутное стекло выжигало на паркете выцветший прямоугольник. Алексей, словно придавленный плитой, лежал на продавленном диване, не находя в себе сил даже пошевелиться. Двое суток минуло с той кошмарной ночи у старой шахты, но ледяная хватка в костях не ослабевала. То было не просто истощение – это было клеточное, всепоглощающее измождение, будто неделю волок за собой древний, неподъемный саркофаг.

Он провел шершавой ладонью по лицу, и кожа в ответ отозвалась тупой, ноющей болью, будто его отколотили резиновым молотом. Даже моргать казалось непосильной задачей. Веки слипались сами собой, проваливаясь в короткие, лихорадочные сны, где на грудь давил каменный гнет и плясали багровые искры в пустых глазницах.

С трудом он заставил себя сесть. Мир поплыл, словно акварель, в висках бешено заколотилось. В квартире царила звенящая тишина – пугающая, неестественная. Привычный гул города, эта фоновая симфония улиц, всегда сопровождавшая его, словно рокот далекого прибора, исчезла. Вернее, ее заглушил другой звук – пронзительный, едва различимый звон, словно в уши вставили тончайшие хрустальные иглы. Эхо встречи с Серым Хозяином. Бесследным проведение такой сущности не прошло. Оно оставило на нем свой отпечаток — «каменную немоту», отсекавшую мирские шумы и обострявшую его восприятие до болезненной чувствительности к иным, более тонким и опасным вибрациям.

Он приблизился к окну. Город жил, не подозревая ни о чем. Люди спешили на работу, машины томились в дорожных заторах. Никто не догадывался, что всего два дня назад эта

идиллия могла обернуться вопиющим хаосом. Никто не ведал, что их покой оплачен ценой его личного опустошения.

Внезапный, резкий, сухой стук в дверь заставил его содрогнуться. Не звонок, а именно стук – отрывистый, формальный перестук костяшек по дереву. Стук, лишенный всякой человеческой суеты, от которого по венам побежали мурашки.

Алексей нахмурился, борясь с накатывающей волной слабости. Он никого не ждал. И обычные посетители – почтальоны, назойливые соседи – всегда предпочитали звонок. Он медленно двинулся к двери, не пытаясь заглянуть в глазок. Он уже знал, кто там. Воздух в прихожей сгустился, похолодел, и в нем поплыл приторно-сладкий запах увядших хризантем и слежавшейся вековой пыли.

Он открыл дверь.

На пороге стоял мужчина – высокая, иссушенная временем фигура, облаченная в безупречно сидящий старомодный костюм цвета увядшей листвы. Его лицо – удлиненное, аристократически-холодное, казалось высеченным из слоновой кости, навевало мысли о забытых богах и древних ритуалах. Волосы, цвета туманного серебра, гладко зачесанные назад, оттеняли мертвенную бледность кожи. В руке он держал трость с набалдашником в виде совиной головы, чьи глаза, казалось, хранили вековую мудрость и тьму. Но более всего поражали его собственные глаза – совершенно плоские, матовые, как у неглазурованного фарфора, лишенные зрачков и какого-либо намека на жизнь или эмоции.

– Алексей Гордеев, – голос посетителя был тихим, ровным и сухим, как шелест страниц древнего фолианта, потревоженного дыханием вечности. – Я – Скорбун. Имею честь представлять интересы Собрания Старейшин.

Алексей молча кивнул, отступая, приглашая войти. Он знал о Собрании. Это не была дружеская организация. Скорее, совет самых древних и могущественных существ, обитающих в городе, совет теней, плетущих нити судьбы. Они предпочитали не вмешиваться в мирские неурядицы, наблюдая за происходящим с высоты своего векового опыта, словно игроки, следящие за перипетиями шахматной партии. Их появление никогда не предвещало ничего хорошего, словно дыхание ледяного ветра с древних могильников.

Скорбун переступил порог с изящной неспешностью, присущей тем, кто не боится времени. Его матовые глаза равнодушно скользнули по прихожей, зацепились за гроздь рябины на подоконнике, остановились на щербатом гвозде в косяке, словно запоминая каждую деталь, чтобы навечно запечатлеть ее в своей бессмертной памяти.

– Скромно, – произнес он, и в его голосе не было ни намека на одобрение, ни тени порицания, лишь бесстрастная констатация факта, словно констатация смерти. – Но функционально. Не затруднит ли вас пройти к столу? Дело, которое я хочу предложить, требует... оформления.

Алексей молча провел его в гостиную. Скорбун выбрал самый жесткий стул, словно ища дискомфорта, сел, выпрямив спину, как статуя, и положил трость перед собой, сложив руки на прохладном набалдашнике в виде совиной головы.

– Позвольте прежде всего выразить вам признательность от имени Собрания, – начал он, его речь была отточена веками. – Инцидент с... Каменным Гостем был разрешен с минимальными потерями. Ваши действия были эффективны и точны. Собрание ценит такое отношение к равновесию, – его слова прозвучали почти как комплимент, но в них чувствовался ледяной привкус вечности, словно похвала от самой Смерти.

— Я делал то, что должен, — произнес Алексей, и голос его звучал хрипло, как будто он проглотил горсть песка. Он опустился в кресло напротив, чувствуя, как к горлу подступает тошнота от приторно-сладкого запаха, витавшего в комнате.

— Именно так, — Скорбун слегка склонил голову в знак согласия. — Долг. Весьма интересное понятие. Оно подразумевает обязательства с обеих сторон. Вы исполнили свой долг

перед этим городом, перед миром людей. Но есть и другой долг. Перед теми, кто блюдет покой в иных его измерениях.

Алексей ощутил ледяную тяжесть в животе. Он прекрасно понимал, куда клонит Скорбун. — Говорите прямо. Какую цену вы хотите?

Скорбун позволил себе подобие улыбки. Тонкие губы едва заметно дрогнули, но в непроницаемых глазах не отразилось ни единой эмоции. — Цену? Нет, мой дорогой Посредник, мы не торгуем краденым на базаре. Речь идет о возмещении энергетического дисбаланса, вызванного вашими... активными действиями. Проводя Хозяина через город, вы неизбежно затронули владения многих из наших подопечных. Их покой был нарушен. Их ритм – сбит. Собрание берет на себя труд умиротворить их. А с вас – небольшая услуга. Знак уважения.

Он выдержал паузу, давая своим словам раствориться в густом воздухе. — В нашем городе появился... шумный новосел. Человек. Она приобрела один артефакт. Предмет, который вам, несомненно, хорошо известен из летописей – «Зеркало Мнемозины».

По спине Алексея пробежала волна озноба. Зеркало Мнемозины. Не просто старинное стекло, а сосуд, впитывающий эссенцию памяти. Не человеческой памяти, а памяти мест, стен, предметов. Оно способно являть не прошлое, но призрачные отголоски событий, годами копившиеся в затаенных уголках бытия, обнажая самые сокровенные страхи, давние обиды и тщательно скрываемые тайны.

— Эта женщина, — продолжал Скорбун, — арт-дилер по имени Алиса Горская. В своем невежестве она обращается с Зеркалом как с модной безделушкой. Она выставляет его в своем доме, устраивает вечеринки, хвастаясь перед гостями. Не понимает, что каждое такое «представление» рвет и корежит ткань реальности в ее районе. Духи дома в смятении. Тени оплакивают свое поруганное существование. Банальные страхи и пошлые тайны ее гостей, усиленные Зеркалом, растекаются по округе, словно ядовитая скверна. Это безобразие должно быть прекращено.

— Вы хотите, чтобы я забрал Зеркало? – уточнил Алексей, стараясь сохранить невозмутимый вид.

— Забрать, уничтожить, убедить ее избавиться... Методы нас не интересуют. Нас интересует лишь результат. Тишина и покой должны быть восстановлены. Вы, как мы знаем, весьма преуспеваете в подобных... деликатных поручениях.

Алексей пристально смотрел в неподвижное лицо Скорбуна. Отказаться было невозможно. Старейшины не просили, они выдвигали условия. Невыполнение обратит его из защитника равновесия в источник проблем. А с источниками проблем у Старейшин разговор короткий.

— Я понял, — тихо произнес он.

— Превосходно, — Скорбун плавно поднялся с кресла. — Мы не сомневались в вашей благоразумности. Ожидаем завершения операции в течение трех дней.

Он обернулся, направляясь к выходу, и на самом пороге бросил через плечо взгляд, в котором матовость глаз граничила с пронзительностью. — И, Посредник... Остерегайтесь отражений. Иногда, то, что смотрит на нас из зеркала, знает такие тайны, какие мы сами боимся себе признать.

Дверь затворилась бесшумно, оставив после себя лишь едва уловимый, приторный запах и густую, как патока, тишину. Алексей подошел к окну. Скорбун уже скользил к старому, темному автомобилю, возникшему из ниоткуда, и тот, словно призрак, растворился в сумеречном потоке машин.

Он снова угодил в западню. Вырвал город из объятий одной угрозы, чтобы тут же оказаться в кабале у другой. Словно приговоренный, он потянулся к ноутбуку, намереваясь запустить вездесущий «Гул» и выудить хоть крупицу информации об Алисе Горской. Пальцы, пре-

дательски дрожа, коснулись холодных клавиш. Он чувствовал себя не героем, не прозорливым Вещуном, а жалкой пешкой, безвольно переставляемой по шахматной доске чужой волей.

Три дня. Цена тишины обожгла своей непомерностью. И он еще не подозревал, что самое страшное в этом задании – не злое зеркало и не коварные духи, а то, что ему предстояло разглядеть в собственном отражении.

Он долго стоял у окна, провожая взглядом ускользающую тень автомобиля Скорбуна. Солнечный свет, еще недавно такой яркий, казался тусклым отблеском далекого мира, словно глаза заволокло пеленой отчаяния. «Цена тишины». Эта фраза звучала навязчивым рефреном, отдаваясь во рту привкусом металла. Он всегда знал, что за все приходится платить. Но раньше это была его личная цена – усталость, одиночество, пропасть, отделившая его от обычных людей. Теперь же долги стали официальными, с печатью и подписью, а кредиторы – несравненно более могущественными и безжалостными.

Медленно, словно наливаясь чугунной тяжестью, он добрал до кухни и включил кофемашину. Механический гул на мгновение разогнал гнетущую тишину, но тут же уступил место давящей пустоте. В ожидании, пока машина шипит и булькает, он усталился в стену, пытаясь воссоздать в памяти все, что знал о Зеркале Мнемозины.

Это не был артефакт зла. Скорее – средоточие истины. Обнажающей, неудобной, порой до отвращения уродливой. Оно не лгало. Оно лишь высвечивало все сокрытое: боль, впитавшуюся в штукатурку, ложь, осевшую пылью по углам, невысказанные слова, застрявшие в ворсе ковров. Для чувствительных натур, для духов дома, для самой ткани реальности его бесконтрольное использование сродни несмолкающему воплю. А если его выносили в свет, на званые вечера, где царили фальшивые улыбки и тщательно скрываемые пороки... Да, Скорбун был безусловно прав. Это было отвратительно. Опасно и до глупости беспечно.

Кофе был готов. Он сделал первый глоток, едва ощущая вкус. Три дня. Нужно действовать незамедлительно.

Схватив ноутбук, он углубился в виртуальный лабиринт «Гул», стремясь отыскать хоть ниточку, ведущую к Алисе Горской. «Гул», словно верный пес, через мгновение вывалил к его ногам гору данных.

Алиса Горская. Тридцать четыре. Успешный арт-дилер, владелица камерной, но влиятельной галереи в сердце города, где современное искусство причудливо переплеталось с эзотерикой и отголосками древних преданий. Разведена, но ничуть не печальна. Состояние — более чем приличное, позволяющее смотреть на мир свысока. Образование — искусствоведческое, отшлифованное стажировками в европейских столицах. Светские хроники благосклонно отмечали ее появление, видя в ней не скандальную героиню, а проницательного знатока и законодателя мод. В инстаграме мелькали снимки ее пентхауса в одном из новомодных «элитных» ЖК, с головокружительными панорамными видами. И на нескольких кадрах, словно таинственный гость, возникал он – тот самый предмет его интереса: огромное зеркало в старинной раме, властно занимающее место в гостиной.

Алексей увеличил изображение. Рама, словно сплетенная из самых темных глубин леса, манила искусной, почти злоеющей резьбой – переплетенные корни и ветви, навеки лишенные листьев. Стекло казалось обычным, но на снимках всегда словно вбирало тьму, чуть темнее окружающего пространства, поглощая свет. Типичный дилетант, купивший опасную игрушку, польстившись на ее "харизму".

Необходим план. Явиться и выпалить: «Приветствую, я Посредник между мирами, ваше зеркало тревожит древних духов, отдайте его мне» – было бы, мягко говоря, неразумно. Нужен предлог. И он возник, словно из ниоткуда. На сайте галереи Горской мерцало объявление о поиске консультанта-искусствоведа для каталогизации и оценки частной коллекции. Идеальный способ проникнуть в самое сердце логова.

Несколько часов ушли на создание тщательно выверенной легенды. Поддельный, но убедительный профиль в соцсетях. Безупречное резюме, умалчивающее о его истинном предназначении, но с опытом работы в заштатных провинциальных музеях. Диплом одного из периферийных вузов, название которого мало кому что скажет. Его верный «Гул» подкрепил легенду скупыми, но правдоподобными упоминаниями в специализированных сообществах. И наконец, отправлена заявка с тщательно собранным «портфолио» на скромную, но вполне адекватную вакансию.

Ответ прилетел быстрее, чем он ожидал. Вежливое письмо от личного ассистента Алисы с приглашением на собеседование в одиннадцать утра.

Дело сделано. Оставалось ждать. Но ожидание обернулось самым трудным испытанием. Тишина в квартире вновь начала давить, словно зловещая сущность. Высокий звон в ушах перерос в оглушительный гул, и к нему добавились новые, пугающие звуки. Не шепот, не голоса, а нечто иное, неуловимое. Словно чьи-то ледяные пальцы скользили по самой кромке его сознания. Он чувствовал на себе взгляды, пронизывающие тьму темных углов, но, обернувшись, не находил ничего, кроме зловещей пустоты. «Метка» Серого Хозяина уже работала, превращая его в маяк для всего, что бродило в сумеречной зоне между мирами. Он становился видимым. Желанным. Интересным.

Он попытался отвлечься, схватив с полки первую попавшуюся книгу – старый справочник по геологии. Но буквы расплывались, превращаясь в бессмысленный набор символов. Вместо текста в темном стекле окна отражался он сам. И ему показалось, что в его усталых глазах на долю секунды мелькнуло то самое тусклое, нечеловеческое мерцание.

Он резко захлопнул книгу, словно обжегшись. Предупреждение Скорбуна оказалось не просто поэтическим предостережением. "Будьте осторожны с отражениями".

Вечер он провел в лихорадочных приготовлениях. Не к собеседованию, а к встрече с зеркалом, предчувствуя неладное. Он не знал, как оно отреагирует на его двойственную природу, на свежую «метку» Каменного Гостя. Поэтому в портфеле, помимо блокнота и ручки для создания видимости, лежал маленький, карманный зеркальце в железной оправе – простой, но надежный инструмент, способный послужить буфером или даже ловушкой для вырвавшейся из-под контроля сущности. И, конечно же, соль. Всегда соль.

Ночь прошла в тревожной полудреме, полной кошмаров. Ему снились бесконечные коридоры из черного стекла, где его отражение шло не рядом, а навстречу, и его глаза были двумя бездонными колодцами, заполненными звездной пылью и леденящим душу вековым холодом.

Утро разродилось серым, морозящим дождем. Алексей, словно заговорщик, натянул свой единственный приличный костюм, чувствуя себя неуместно в этой человеческой маскировке. Выглядел он респектабельно, как подающий надежды юрист, если не считать болезненной бледности и усталости во взгляде. Ничто не выдавало в нем существо, еще два дня назад державшее за руку духа из преисподней.

Пентхаус Алисы Горской высился на вершине одного из новейших небоскребов – стеклянного шпиля, пронзающего хмурое небо. Вестибюль ослеплял мрамором и полированным хромом. Консьерж, окинув его оценивающим взглядом, сдержанно кивнул и без лишних вопросов пропустил к лифту, едва услышав имя и цель визита.

Лифт бесшумно взмыл вверх, и с каждым метром Алексея сдавливало странное, нарастающее давление. Не физическое, а ментальное, словно он не поднимался на этаж, а погружался в пучину океана. Воздух густел, напитываясь чем-то непостижимым. Это была аура артефакта. Зеркало чувствовало его приближение.

Лифт замер. Двери разъехались, открывая приватный холл. Перед ним – массивная дверь из мореного дуба, единственная. Собрав волю в кулак, он нажал на кнопку звонка.

Послышались легкие шаги, и дверь отворилась. На пороге стояла женщина. Невысокая, с острыми, тонкими чертами лица и короткой, аккуратно уложенной темной стрижкой. Облачена в свободные льняные брюки и шелковую блузу, босая. Алиса Горская.

Ее темные, пронизательные глаза изучающе скользнули по нему сверху вниз. — Алексей Гордеев? – голос низкий, с легкой хрипотцой и едва уловимой насмешкой. – Проходите. Я только что заварила кофе. Не терпится узнать, что за специалист откликнулся на мой скромный зов.

Она жестом пригласила его в гостиную. Огромное пространство с панорамными окнами во всю стену, за которыми клубились серые облака. Минималистичный интерьер разбавляли странные арт-объекты – абстрактные скульптуры, причудливой формы керамические вазы, картины, похожие то ли на сновидения, то ли на древние петроглифы.

И вот, он увидел его.

Зеркало Мнемозины висело на дальней стене, напротив окон. Оно оказалось больше, чем он представлял. Темная, почти угольная рама из переплетенных корней казалась живой, пульсирующей в унисон его собственному сердцебиению. А стекло... Оно не было прозрачным. Бездонное, как омут. В нем не отражалась комната. Там колыхались тени, переливались туманные пятна, словно подводные течения. От него исходил такой холод, что воздух вокруг заметно стынул.

Алиса, заметив, как заворуженно он смотрит, одарила его улыбкой, в которой плясали искорки триумфа. — Нравится? Мой главный трофей. Оно украшает частную коллекцию в Шотландии, и мне пришлось буквально вырвать его для своей выставки. Гипнотизирует, правда?

Алексей не мог отвести взгляд. Зеркало взирало на него, и он кожей чувствовал, как частицы его существа, осколки памяти, усталость, накопившаяся за годы, и даже затаенный страх, словно заколдованные, тянутся к этой бездонной черноте с неумолимой силой магнита.

Он понимал, что Скорбун и Собрание Старейшин не ошиблись в своей оценке. Но в одном они жестоко просчитались.

Проблема была не в Алисе Горской.

Проблема заключалась в том, что зеркало уже пробудилось от векового сна. Зеркало было голодно. И он, Алексей Гордеев, Вещун, Посредник, неосторожно вошел в его поле зрения, словно сочный, долгожданный кусок дичи.

Его миссия только что вознеслась на качественно новый уровень сложности.

Глава 1.

Лик в Зазеркалье

Кофе, предложенный Алисой, оказался колдовским зельем – густой, дымящийся, с бархатной горчинкой на языке. Алексей пригубил, отчаянно цепляясь за вкус, за тепло керамики, за что угодно, лишь бы не утонуть во взгляде зеркала. Но то манило, как бездна, затягивало в свой омут, вызывая почти осязаемый трепет: предательское покалывание в кончиках пальцев, мурашки, пляшущие по спине, глухой стук сердца в ушах.

— Русский примитивизм, фольклорные мотивы... — голос Алисы, мягкий, но пронзительный, словно луч света, скользнул по комнате. Она устроилась на низком диване, по-кошачьи поджав ноги, и изучающе смотрела на него. — В наше время это, мягко говоря, не mainstream. Что привело вас к этой теме?

Алексей выдавил улыбку, как актер, старательно играющий свою роль. — Меня всегда привлекало зерно, первооснова. Первобытные страхи, вечные архетипы. В них сконцентрирована правда, обнаженная и беспощадная, которой не найти в глянцевої современности.

— Абсолютно согласна, — в глазах Алисы вспыхнул живой огонь. — Именно поэтому я и приобрела это зеркало. В нем есть что-то... подобное. Говорят, ему триста лет, а то и больше. Связано с кельтскими преданиями. Но я чувствую в нем исконно славянское, глубинное. Словно оно впитывало не только сырость шотландских вересковых пустошей.

«Оно впитывало все, до чего могло дотянуться своими невидимыми щупальцами», — пронеслось в голове Алексея, и ледяной сквозняк пробежал по коже от прикосновения темной, манящей поверхности.

— Да, энергетика у него осязаемая, — осторожно произнес он, стараясь придать голосу оттенок светской заинтересованности. — Не каждому гостю, наверное, здесь уютно.

Алиса расхохоталась, и в смехе звучала легкая, чуть нервная трель.

— О, вы бы знали! Некоторые мои подруги, кокетливо морща носик, жалуются: «Алиса, в твоей гостиной словно спертый воздух, и в голову лезут всякие небылицы». А один художник, известный своим пристрастием к мистике, клянется, что видел в зеркале чужое лицо. Не отражение, а именно лицо. Но я списываю это на богатую фантазию и игру света. Хотя... — она прищурилась, взгляд стал чуть серьезнее, — иногда и мне кажется, что оно не просто отражает. Оно... наблюдает за нами.

Ее слова повисли в воздухе, как тонкая дымка. Алексей понял, что за маской ветреной богачки скрывается пыливый ум и чуткое сердце. Она что-то чувствовала, что-то видела, но ей не хватало знаний, чтобы объяснить это. Это одновременно обнадеживало и тревожило.

— Возможно... стоит на время убрать его из жилой зоны, — предложил он, стараясь сохранить в голосе невозмутимость. — Подобным артефактам иногда необходима передышка. Период покоя.

— И лишить себя самого запоминающегося гостя на вечеринках? — Алиса снова засмеялась, но в глазах уже промелькнула тень сомнения. — Шучу. На самом деле, вы, наверное, правы. Я и сама стала хуже спать в последнее время. Сны какие-то... тревожные, беспокойные. Но не могу же я просто задвинуть такую вещь в кладовку! Ему нужен... особый подход.

"Требуется уничтожения", — мысленно заключил Алексей, но вслух, разумеется, промолчал.

— Может, начнем с осмотра коллекции? — предложил он, желая отвлечься от зловещего зеркала и сменить опасную тему.

— Конечно, пройдемте в кабинет.

Она повела его через гостиную. Проходя мимо зеркала, Алексей вдруг ощутил, как ледяной сквозняк пронизывает рукав пиджака. На мгновение ему показалось, что из самой глубины стекла на него смотрит что-то. Что-то бледное, безликое, полное невыразимой тоски. Он не обернулся, но мурашки уже бежали по спине, словно по живым корешкам.

Кабинет Алисы утопал в море книг, каталогов и эскизов — в этом творческом хаосе они провели больше часа, увлеченно обсуждая ее коллекцию. Алексей, благодаря подлинной эрудиции и знаниям, накопленным за века, блистательно поддерживал беседу. Он ощущал, как растет его авторитет в глазах хозяйки кабинета, и это было хорошо — доверие облегчало непростую задачу.

Но внимание ускользало. Неумолимый зов из гостиной тянул к себе. Тот высокий звон, что преследовал после встречи с Хозяином, теперь вступал в болезненный резонанс с вибрацией зеркала, образуя странный и мучительный симбиоз.

Вернувшись в гостиную, он не смог удержаться и вновь взглянул на проклятый артефакт. И замер, пораженный увиденным.

В глубине зеркала, в клубящихся тенях, стоял он сам. Но не тот, что здесь, в безупречном костюме, с чашкой кофе в руках. Другой. Ворон. Его истинное обличье, черное, как сама крошечная ночь, с глазами-бусинами, сверкающими нечеловеческим разумом. И этот Ворон

из зеркального мира смотрел на него не отрешенным птичьим взором, а взглядом мудрого, древнего существа, полным усталости и... зловещего предупреждения.

Алиса что-то говорила о гравировке на раме, но Алексей уже не слышал. Сердце его билось, как пойманная птица в клетке груди. Зеркало не просто чувствовало его сущность — оно вытягивало ее, обнажало, словно проявляя потаенную фотографию в едком растворе проявителя.

— так вы возьметесь за работу? — закончила она свой вопрос, ожидая ответа.

— Да, конечно, — ответил Алексей механически, с невероятным усилием отрывая взгляд от мерцающей глубины зеркала. Ему нужно было бежать. Сейчас же. Пока эта безмолвная сила не сломила его волю. — Благодарю за доверие. Я подготовлю подробный план каталогизации и свяжусь с вами завтра.

— Прекрасно! — Алиса сияла довольством. — Я чувствую, вы именно тот, кто мне нужен.

«Если бы ты только знала...» — мысленно парировал Алексей, уже почти выскользнув за дверь.

Он чувствовал себя выжатым лимоном, бегуном, сошедшим с марафонской дистанции на последнем километре. Каждая клеточка тела дрожала в лихорадке внутреннего напряжения. Захлопнувшаяся дверь лифта стала спасительной преградой, к которой он прижался спиной, закрыв глаза в тщетной надежде укрыться. Но образ Ворона, нахально ухмылявшегося из зеркальной глубины, преследовал его, неотступный и зловещий.

Домой он вернулся с ощущением поражения в первом раунде незримой схватки. Зеркало не просто увидело его — оно познакомилось. И, судя по всему, осталось довольным увиденным.

Ночь не принесла избавления. Стоило Алексею провалиться в зыбкий сон, как зеркало находило его. Он вновь стоял в пустой, холодной гостиной Алисы, и в зеркальной глади, как и прежде, зловеще маячил Ворон. Но теперь он не ограничивался молчаливым созерцанием. Он постучал клювом по стеклу. Легкий, сухой стук, словно костяшки пальцев по гробовой крышке, отозвался гулким эхом в безмолвии комнаты.

Затем кошмарное представление приняло новый оборот. Ворон растворился в густых тенях, уступая место другой комнате. Старая, обшарпанная, с выцветшими обоями в мелкий цветочек и массивной деревянной кроватью. На кровати, сгорбившись, сидела маленькая девочка лет шести и безутешно плакала, прижимая к груди облезлого плюшевого мишку. Алексей ощутил ее страх, вселенское одиночество, жгучую обиду. Это была не его память. Это был отпечаток прошлого, въевшийся в пыльную штукатурку какого-то забытого дома, который зеркало теперь проецировало прямо в его сознание.

Сцена сменилась с калейдоскопической быстротой. Теперь он был свидетелем яростной ссоры — мужчина и женщина, лица искажены ненавистью, кричали друг на друга, бросая в лицо слова, словно отравленные стрелы. Гнев, боль, предательство — эмоции обрушивались на него с невиданной силой, разбиваясь о его разум, словно волны о прибрежные скалы. Потом — чья-то смерть. Едва слышный вздох, оборвавшийся в ночной тишине, и всепоглощающее чувство пустоты, тоски, безысходности...

Он проснулся с диким криком, словно вынырнул из ледяной воды. Холодный пот пропитал насквозь одежду, а в ушах стоял оглушительный звон. Дрожащими руками он включил свет, жадно ловя ртом воздух. Это было не просто сновидение. Это была настоящая атака. Зеркало, почуяв в нем силу, пыталось «прощупать» его, оценить его возможности, протестировать границы, скармливая ему отрывки чужих жизней, чужие трагедии.

Он подошел к окну, невидящим взглядом уставившись на спящий город. Три дня. У него не было трех дней. У него, возможно, не осталось и суток. Он не мог просто украсть это проклятое зеркало. Оно было слишком большим, слишком приметным. Да и Алиса, почуяв

неладное, не преминула бы поднять тревогу. Нужно было убедить ее добровольно расстаться с ним, уговорить отдать его на время. А для этого нужно было завоевать ее доверие. Искренне и окончательно. Или... сломить ее волю, напугать до полусмерти.

Он снова попытался провалиться в сон, но стоило векам сомкнуться, как из бездны на него хлынули цунами чужих жизней — взрыв восторга от первого поцелуя, ледяная горечь утраты, липкий стыд предательства. Зеркало, словно выворачивая наизнанку нутро дома, где когда-то висело, извергало на него поток воспоминаний. Не злоба двигала им, а неутолимая жажда.

Утро встретило его разбитым. Глаза пылали, словно объятые внутренним пожаром, а в голове клубился густой, непроницаемый туман. Он сварил настолько крепкий кофе, насколько это вообще было возможно, и рухнул на стул перед компьютером. Необходим новый план. Дерзкий. Отчаянный, как прыжок в бездну.

Снова запуская «Гул», он искал уже не аномалии, не призрачные отблески необъяснимого, а сведения о самом зеркале. Легенды, полузабытые слухи, быть может, пыльные упоминания в полицейских архивах о давно минувших, странных происшествиях. И он нашел. Тусклую искру в архивах городской газеты двадцатилетней давности. В старом доме, стертом с лица земли ради возведения того самого ЖК, где теперь жила Алиса, оборвалась жизнь. Антиквар, человек, коллекционировавший прошлое, нашел свою смерть в петле, в собственной гостиной. Родные шептали, что в последние предсмертные недели он был словно околдован старинным зеркалом, привезённым из самой Европы. Бредил, что оно «открывает ему истину».

Холодная уверенность сдавила сердце Алексея ледяным обручем. Зеркало было не просто хранилищем памяти, оно было вивисектором души. Оно вычленяло самое уязвимое место в психике и терзало его, как неутолимый дятел долбит обреченное дерево, пока древесина не пойдет трещинами отчаяния. Бедный антиквар, вероятно, был человеком тонкой душевной организации, но совершенно неподготовленным к такому вторжению. Он не выдержал натиска чужой боли, хлынувшей потоком, не сумел совладать с собственными демонами, которых зеркало выставило на всеобщее обозрение.

А что ждет его, Посредника, чья душа и без того — поле битвы между мирами? Что сделает проклятое стекло с тем, на ком висит метка Серого Хозяина, словно клеймо обреченности?

От неминуемого погружения в бездну его спас телефонный звонок. Алиса. — Алексей, доброе утро! — ее голос дрожал от волнения, в нем сквозила паника. — Вы не могли бы приехать? Сегодня же, прямо сейчас? Со мной со вчерашнего дня творятся... странные вещи. И с зеркалом тоже. Оно... оно ведет себя иначе.

— Что случилось? — спросил он, и в глубине души уже знал ответ.

— Оно... оно плачет, — прошептала она в трубку, и эхо страха зазвенело в его ушах. — Я проснулась от звука капель. Подошла... по стеклу стекают водяные струи, словно слезы. И в них... отражения. Не мои. Чужие лица. Я... я боюсь даже смотреть на него.

Холодный пот прошиб Алексея. Зеркало пробудилось. Оно учуяло в Алисе новую жертву и начало свою демоническую игру. Но, быть может, ее страх — это и есть его шанс на победу.

— Я буду у вас через двадцать минут, — твердо произнес он. — Не подходите к зеркалу. И, что бы ни случилось, не смотрите в него.

Он бросил трубку, словно отшвырнул от себя змею, и принялся спешно собираться. В старый рюкзак, поверх засаленного блокнота и прочей дорожной мелочи, легло самое насущное: соль, словно последний рубеж обороны; железное зеркальце, чтобы заглянуть в глаза невидимой угрозе; туго скрученная береста с выведенными дрожащей рукой охранительными знаками; и, наконец, маленький, но увесистый молоток — инструмент крайней необходимости. Он молил судьбу обойтись без вандализма, но призрак уничтожения артефакта зловеще маячил на горизонте.

По пути его охватывала ледяная хватка предчувствия. Это была не поездка на собеседование, а марш к месту дуэли. Дуэль не с человеком из плоти и крови, а с бездушным предметом, чья опасность во сто крат превосходила любого разумного противника.

Алиса отворила дверь сама, тенью былой себя. Бледность покрывала ее лицо, словно тонкий слой инея, а под глазами залегли густые, фиолетовые круги. Небрежно накинутый халат, растрепанные волосы – картина отчаяния. — Спасибо, что приехали, — прошептала она, тут же увлекая его в полумрак гостиной. — Смотрите...

Зеркало все так же зловеще висело на стене. И Алиса не обманула. По его черной, бездонной глади медленно стекали струйки ледяной воды, оставляя зловещие мокрые следы. В комнате витал запах сырости и озона, предвестник надвигающейся бури. Но самым кошмарным были отражения, мерцающие в этих струйках. Обрывки лиц, глаз, судорожно сжатых рук. Ангельская детская улыбка, искаженная гримаса умирающего старика, женский профиль, застывший в беззвучном крике. Это была не просто мертвая память. Это была мучительная агония, прорывающаяся в наш мир.

— Что это? — пролепетала Алиса, испуганно прячась за его спину, словно беззащитный ребенок. — Что с ним происходит?

Алексей, словно замороженный, медленно подошел ближе. Леденящий холод, исходящий от зеркала, обжигал кожу, словно дыхание арктического ветра. — Оно не просто старинное, Алиса. Оно... живое. В каком-то жутком смысле. И оно больно. Болью, которую оно отравляет все вокруг.

Он резко повернулся к ней, впиваясь взглядом в ее расширенные от ужаса глаза. — Вам нужно избавиться от него. Сегодня. Сейчас. Иначе будет только хуже. Оно начнет показывать вам все ваши самые сокровенные страхи. Ваши слабости. Чужие пороки. Оно доведет вас до безумия, как оно довело до самоубийства его предыдущего владельца.

Он не планировал говорить ей все так прямо, но времени на дипломатию не оставалось. Алиса смотрела на него с ужасом, с трудом веря услышанному. — Самоубийства? Что вы... Вы говорите как безумец!

— Я говорю как тот, кто знает, — его голос вдруг обрел ту самую, леденящую кровь твердость, голос Ворона, пробуждающийся в моменты крайней опасности. Он видел, как она вздрагивает, словно от удара. — Вы чувствовали это сами. Кошмарные сны. Необъяснимый страх. Это только начало. Оно уже проникло в ваш разум. Дальше станет невыносимо.

В тот миг зеркало словно взорвалось безмолвием. Плач оборвался, как перерезанная нить. Водяные дорожки испарились, оставив за собой лишь гладкую, непроницаемую черноту. А затем в этой бездне начало рождаться нечто. Не случайные блики, не игра воображения, а отчетливая, пугающе ясная картина.

Они увидели ее вместе. Алиса судорожно ахнула, вцепившись в его руку побелевшими пальцами.

В зеркальной глубине стояла она. Но не одна. Рядом, обнимая за плечи, — Алексей. И вокруг них не современный пентхаус, а обветшавшая, полуразрушенная комната, пляшущие языки пламени свечей выхватывали из мрака грубые стены. И на их лицах застыла не улыбка, а grim determination – неистовая решимость. А за их спинами, словно сотканная из теней, возвышалась огромная черная птица, ее крылья, распахнутые над ними, напоминали траурный плащ.

Картина пульсировала такой концентрированной, кристально чистой эмоцией – не страхом, не болью, а скорее... клятвой, единством. На мгновение этот вихрь силы заглушил всякий ужас.

— Что... что это? — прошептала Алиса, не в силах оторвать взгляда от завораживающего кошмара. — Это будущее?

— Нет, — так же тихо ответил Алексей, ошеломленный не меньше ее. — Это не воспоминание и не пророчество. Это... возможность. Одна из бесчисленных нитей судьбы. Зеркало не только терзает. Оно... показывает связи. Сильные, важные связи.

Видение начало меркнуть, расплываться, вновь погружаясь в зыбкий туман. Но его послание уже достигло цели. Панический ужас в глазах Алисы сменился потрясенным любопытством, отравленным робкой надеждой.

Она взглянула на Алексея, затем снова на зеркало, ища в отражении ответ, потом снова на него. — Хорошо, — прошептала она. — Я верю тебе. Что нам делать?

Алексей глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. План рухнул, как карточный домик. Уничтожать зеркало сейчас означало бы похоронить и ту хрупкую надежду, которую оно им только что подарило. Зеркало перешло от грубой атаки к изощренному соблазну. И это было в тысячу раз опаснее.

— Для начала, — произнес он, — мы его упакуем. Как можно плотнее. И уберем подальше от тебя. А потом... потом я попробую с ним заговорить.

Он смотрел на темную гладь, где снова начинали шевелиться призрачные тени. Первый раунд, возможно, остался за зеркалом. Оно показало ему его страх, его слабость, а теперь подбросило приманку — иллюзию связи, понимания. Оно играло с ним. И Алексей с холодным ужасом осознал, что эта опасная игра начинает ему нравиться.

Глава 3.

Тени прошлого

Упаковка зеркала походила на ритуал экзорцизма. Алексей не позволял Алисе даже приблизиться, нутром чувствуя, как ледяные иглы бегут по спине от малейшего движения возле черной, бездонной глади. Он использовал принесенную с собой ткань — не просто кусок материи, а плотный саван, пропитанный колдовской смесью воска, соли и пепла, составом, способным временно обуздать капризные энергии. Каждый слой, которым он укутывал раму, давался с трудом, словно невидимая сила отталкивала ткань от стекла.

Алиса наблюдала молча, кутаясь в шелковый халат. Ее взгляд, еще недавно дикий от ужаса, теперь был полон задумчивости, даже научного интереса. Она видела в нем не просто странного консультанта, а ключ к лабиринту, в который ее затянуло.

— Вы знаете, что делаете, — прошептала она, когда Алексей затягивал последний узел на злобещей обертке. — Это не первый раз.

— Далеко не первый, — глухо отозвался он, не отрываясь от работы. Ему не хотелось ворошить прошлое.

— Тот образ... который мы видели... — Алиса запнулась, подбирая слова. — Это было похоже на отблеск правды?

Алексей выдохнул, отступая от запечатанного артефакта. Гнетущее давление в комнате ослабело, воздух перестал обжигать легкие. — Зеркало Мнемозины не знает правды. Оно показывает лишь вероятности. Потенциал, спящий в переплетениях судеб, мест и событий. То, что может возникнуть при определенном стечении обстоятельств. Но может и не возникнуть никогда. Не принимайте его видения за пророчества.

— Но оно показало нас вместе, — не унималась она. — В каком-то... жутком месте. Значит, некая связь между нами все-таки существует?

Он взглянул на нее. Усталая, напуганная, но не сломленная. В глубине ее глаз мерцал огонек любопытства, куда более опасный, чем животный страх. Страх можно укротить, а любопытство толкает в самые темные бездны.

— Допустим, — неохотно согласился он. — Как и тысяча других. Теперь нам нужно найти ему пристанище. Желательно, подальше отсюда. У вас есть склад, что-то вроде хранилища?

— Есть, — кивнула она. — Но он в подвале этого же комплекса. Будет ли этого достаточно? Алексей покачал головой. — Нет. Зеркало уже пустило здесь корни. Ему нужна полная изоляция. Я должен забрать его к себе.

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел взвесить все последствия. Это безумие. Впустить такой артефакт в свою крепость, свое единственное убежище? Но иного выхода не было. Ему нужно место, где он сможет изучать его, контролировать, не опасаясь за жизни других.

Алиса смотрела на него с неприкрытым любопытством. — К себе? Значит, вы... вы не просто искусствовед, а нечто большее.

— Нет, — отрезал он, словно обрубая все дальнейшие расспросы. — Я разрешаю подобные затруднения. И сейчас моя задача — упокоить этот артефакт. Поможете донести до машины?

Перемещение зеркала превратилось в кошмар. Даже в плотной упаковке, оно давило непомерно — не физически, а какой-то вселенской тяжестью. Каждый шаг по коридору к грузовому лифту отзывался в Алексее неимоверным усилием. Казалось, он волочит на себе не предмет, а целое родовое гнездо, пропитанное историей, болью и призраками давно ушедших радостей. Алиса шла рядом, поддерживая легкий край, но и ее лицо омрачилось, дыхание стало прерывистым.

Когда сверток улегся на заднее сиденье его машины, салон мгновенно наполнило ощущение древнего, недремлющего присутствия. Всю дорогу до дома Алексей чувствовал на затылке незримый, пристальный взгляд. Он вез не вещь. Он вез пленника, томящегося в ожидании.

В своей квартире он определил зеркало в дальнюю комнату, некогда бывшую кладовкой, а ныне — убежищем для артефактов, требующих особого подхода. Стены здесь покрывали простые на вид, но исполненные силы символы, начертанные мелом и углем. Он поставил сверток в угол, развернув его лицом к стене.

— И все? — спросила Алиса, окинув взглядом его спартанское жилище. Ее взгляд зацепился за книги, пучки сухих трав и причудливые камни, расставленные на полках. — Теперь оно в безопасности?

— Нет, — честно признался Алексей. — Теперь оно в клетке. А я — его тюремщик. Вам пора домой. Просто отдохните.

Она не двигалась, словно пытаясь прочесть что-то в его лице. Он видел, как роятся вопросы в ее голове. — А что, если оно... вырвется?

— Со мной? — он криво усмехнулся. — Тогда точно не заскучаю. Но это моя ноша, Алиса. Ваша миссия завершена.

Он проводил ее до двери, терзаясь из-за прозвучавшей в голосе резкости. Ему необходимо было остаться наедине с собой. Понять, с чем он столкнулся, без посторонних глаз.

Дверь затворилась. Тишина квартиры, обычно умиротворяющая, теперь звенела, как натянутая струна. Он стоял посреди гостиной, чутко прислушиваясь. Ни звука. Только гнетущее, безмолвное ожидание из-за двери кладовки.

Он потянулся к кофемашине, но в последний момент отдернул руку. Вместо этого наполнил стакан водой. Пальцы едва заметно дрожали. Образ из зеркала — они с Алисой в той старой комнате — не желал отпускать сознание. Это было не воспоминание. Это было предчувствие. Возможность. И зеркало, без всяких сомнений, ощущало, как эта возможность его манит. Оно нащупало его уязвимость — глубинное, почти вековое одиночество, усталость от роли стороннего наблюдателя, а не полноправного участника событий.

Он не выдержал — кладовка вновь поглотила его. Без единого лучика света, он опустился на пол, прямо напротив запечатанного савана свертка. Сбросив обувь, чтобы каждым нервом ступней ощущать дрожь половиц, он закрыл глаза, позволяя себе скользнуть в пограничное состояние — между реальностью и сном, где чувства кристально обнажены.

Сперва его коснулось лишь смутное беспокойство, исходящее от зеркала, словно дыхание уснувшего чудовища. Потом хлынули образы. Обрывки, как осколки разбитого стекла: детский смех, истошный плач, предсмертный крик. Но хаос начал обретать форму. Он увидел дом. Зброшенный, деревянный, с паутиной резных наличников, глядящих в никуда. Тот самый, что мелькнул в газетной заметке о самоубийстве антиквара. Зеркало разворачивало перед ним свиток своей собственной, жуткой истории, свою проклятую память.

Перед его взором возник антиквар – изможденный старик с печатью отчаяния на лице. Он видел, как тот, словно одержимый, часами просиживал перед зеркалом, пытаясь утонуть в его бездонной глубине. И зеркало отвечало, словно змея, замороженная дудочкой. Оно дарило ему призрак его умершей жены. Сначала – сладостные видения, отголоски былого счастья. Потом – сцены яростных ссор, его мелкие предательства, ее копившиеся годами обиды, как черная желчь. Зеркало копалось в его душе, безжалостно выдирая наружу все самое гнилое и горькое, приправляя это ядовитыми вымыслами, сомнениями, которые вполне могли оказаться правдой. Оно не лгало напрямую. Оно показывало неотвратимое «а что, если». А что, если она его тайно ненавидела? А что, если ее внезапная смерть – его непоправимая вина?

Человек не выдержал этого натиска. Его разум, и без того истощенный горем, надломился под тяжестью этой извращенной «правды». И зеркало, холодное и бесстрастное, впитало его предсмертную агонию, словно грязный, никому не нужный обломок, пополнив свою зловещую коллекцию.

Алексей судорожно вынырнул из транса. Все тело покрывал липкий, обжигающий холод. Теперь он понял чудовищный механизм. Зеркало – это опиум для души, дьявольский наркотик. Оно дарит тебе то, чего ты отчаянно жаждешь – утешение, долгожданные ответы, призрачную связь с безвозвратно утраченным, – а затем медленно, неумолимо отравляет твоё сознание ядом сомнений и неутрахающей боли, пока ты не оказываешься полностью поработан его волей.

С трудом поднявшись на дрожащие ноги, он отыскал в себе силы двинуться вперед. Ему необходимо было проверить одну, навязчивую теорию. Подойдя к темному свертку, он медленно, с замиранием сердца, развязал один узел за другим. Тяжелая, черная ткань бесшумно опала на пол, открывая взору мертвенно-бледную, безжизненную гладь потустороннего стекла.

Он взглянул в зеркало.

Первые секунды – зыбкая пустота. Затем, словно из глубин мутной реки, стали выползать знакомые тени, сплетаясь в болезненный узор. Он ждал увидеть Ворона, возможно, отголоски сцены с Алисой... Но зеркало обрушило на него совсем иное откровение.

Перед ним раскинулось поле. Бескрайнее, измученное пожухлой травой, накрытое низким, свинцовым небом, давящим своей безысходностью. А посреди этого ада — виселица. Древняя, иссохшая, почерневшая от времени и злобы, словно выпившая всю кровь земли. На ней раскачивалось тело в черном, спутавшиеся пряди волос скрывали лицо мертвеца. Вокруг, словно жуткий караул, восседали вороны. Десятки, сотни, тысячи – кошмарное, живое море черных перьев. Они, задржав клювы к небу, каркали. Громко, надрывно, пронзительно, будто созывая забытых богов, требуя новую жертву.

Алексей отшатнулся, сердце бешено колотилось, пытаясь вырваться из груди. Это не было чужим воспоминанием, навязанным извне. Это было его, вырванное из самой глубины души. Одно из самых древних, одно из самых страшных. Казнь другого Вещуна, его предшественника, свершившаяся века назад. Казнь, на которой он присутствовал, не в человеческом облики, но в облике ворона. Зеркало добралось до самых сокровенных уголков его памяти. До его личной, выстраданной боли.

Он торопливо набросил ткань обратно на зеркало, дрожащими пальцами спешно завязывая узлы. Его тошнило. Оно было сильнее, опаснее, чем он предполагал. Оно способно не

только показывать призрачные горизонты будущего, но и сдирать слои прошлого, обнажая самые гноящиеся раны.

Выскользнув из кладовки, он захлопнул за собой дверь и прислонился к ней спиной, судорожно хватая воздух. Он проигрывал эту битву. Зеркало безошибочно находило его уязвимые места и наносило удары с хирургической точностью. Одиночество терзало его душу, усталость парализовывала волю, боль прошлого душила, словно удавка на шее.

Спасением стал резкий звонок мобильного. Незнакомый номер, но вибрация на этот раз была иной – не холодной и чужой, а смутно знакомой, почти... согревающей. Он ответил.

— Слушаю.

— Вещун, — прозвучал в трубке голос, грубый, хриплый, но с нотками неприкрытого беспокойства. Это был Гнют. — Слышал, ты приютил в своем доме тяжелый груз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.